АЛИК ЧУЛИКОВ

СОНМЭН



Skleněný můstek 2014

АЛИК ЧУЛИКОВ

СОНМЭН

ISBN 978-80-87940-29-7

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2014

Содержание

СОНМЭН

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЗАГАДКИ СФИНКСА

ИЗБИЕНИЕ ИРОДА

ПРОЩАЛЬНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ КЛЕОПАТРЫ
I. ПАДЕНИЕ ГЕРКУЛЕСА
II. У БОГОВ ЕСТЬ СВОИ ТАЙНЫ

ПРОНИКАЮЩИЙ В ДОЛИНУ ЖИЗНИ ДВАЖДЫ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ МАЭСТРО АНТОНИО ГАУДИ

ЛЮБОВЬ ВИРТУАЛЬНАЯ

ОНА – ДАМА СТРАШНАЯ

НЕ ПОМИННАЙ ЧЕРТА ВСУЕ

ПЛАТАН ГИППОКРАТА

УГОЛ ПАДЕННИЯ...

ЛУННЫЙ ЦВЕТОК

ОДНАЖДЫ В ПЯТНИЦУ, 13-ГО ЧИСЛА

УЛЫБКА ЧЕРНОГО
ЧАСТЬ I
ЧАСТЬ II
ЧАСТЬ III

СОЛНЕЧНЫЙ ОЖЕГ 1-ГО АПРЕЛЯ

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ

КОГДА ОН СТАЛ КОТОМ

ЗЛОЙ ДУХ ДЖОМОЛУНГМА

СОНМЭН

«Когда бы мог весь мир узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное – как тетрадь
С давно известными стихами»
(«SENTENZ» М.Ю.Лермонтов)

Человек выбросился с шестнадцатого этажа. Толпа зевак с любопытством и страхом, и безразличием внутри разглядывала распластанное тело. Неодолимая сила тащила Николаса сквозь людскую массу к телу самоубийцы.

Взглянув в лицо неестественно вывернутой головы покойника, Николас вздрогнул, кто-то извне утверждал: «Ты знаешь его».

Никто кроме Николаса не заметил, как ресницы, откинув веки, на миг распахнулись, и глаза холодным блеском топаза отразились от лица, и едва уловимая улыбка зыбко пробежала по губам мертвеца. Николас испуганно оцепенел, рассудок напрягал тщетно память, но все безнадежно.

– Я не знаю его, – сказал Николас.

Рядом стоящие люди недоуменно посмотрели на незнакомца.

***

Навязчивый сон, как паранойя раз за разом возвращал Николаса к этому сюжету. Пробуждение стало утомительным, будто и не было сна вовсе, возбужденный разум искал разгадку. Молодой доцент кафедры высшей математики стал брать сверхурочные часы, занялся репетиторством, погрузился в мир цифр и гипотез, неразгаданных теорем, лишь бы загрузить разум и вытеснить бредовую память того видения.

Аудитория была наполнена чистым звуком душевного покоя – резонанса шелеста бумаги и скользящего пера с дыханием и сердцебиением студентов, выполняющих очередную контрольную работу. Эта атмосфера была комфортна Николасу. Он просматривал предыдущие работы студентов, листая страницы и читая очень спорные, но смелые своей новизной решения теорем великих гипотез.

– Алина Казанская. «Теорема о душе». «Любое компактное многообразие является своей душой…»

Далее следовала таблица знаков и оригинальная попытка поставить точку в решении теоремы. Николас улыбнулся. Но следующая запись Алины наложилась на улыбку, стирая её.

– Николас, – писала студентка, – душа компактного многообразия не умеет чувствовать. А ваша душа? Я вас люблю! И это серьезно.

Преподаватель минуту сидел, осмысливая, как ему казалось, невероятную запись в рабочей тетради студентки. Затем медленно поднял голову и посмотрел в сторону девушки.

Она, отрываясь от контрольной работы, встретилась с его взглядом. Смуглое красивое лицо с тонкими чертами, обрамленное неуправляемым водопадом волос. Большие, бирюзового воска глаза с ярким язычком горящих фитильков вместо зрачков невольно вызывали в смятенном сознании Николаса глупую мысль: «На такой свет летят мотыльки и гибнут в его пламени».

Магическое состояние гипноза прервал звонок, известивший об окончании занятий. Студенты подходили к его столу и сдавали исписанные листы контрольной работы. Николас сидел за столом, не поднимая головы, и сделал это, когда звук последних шагов покинул пределы аудитории. Но трудно вырваться из хроники давно прописанных событий.

При выходе из здания института Николас вновь оказался рядом с Алиной. Минуты три шли рядом молча:

– Зачем? – задал он глупый вопрос.

– Что – «зачем»? – спросила Алина и заглянула в глаза Николаса.

«Всё, сгорел, – пронеслось в его голове, – у неё безумно красивые глаза».

– Так не должно быть: вы студентка, я преподаватель. Это аморально.

– Чувства аморальны, если это страсть без перспективы продолжения отношений.

– Любые чувства рефлекторны и временны, – ответил он.

Алина вновь задумчиво взглянула в его лицо.

– Я не верю, что вы так думаете. Эта фраза из кодекса, прописанного для общества пастырями. А истинно верующих проповедников



единицы.

«Да, – пронеслось в голове Николаса, – она имеет редкую сочетание качеств – красоты и ума».

Они подошли к автостоянке при институте.

– Вам куда? Я на машине, могу подвезти.

– Спасибо, за мной приехал брат. До свидания, Николас. Я написала вам о своих чувствах. Они вас ни к чему не обязывают. Сердцу действительно нельзя приказать.

Николас стоял и провожал глазами девушку. Она подошла к высокому смуглому парню, который открыл перед ней дверь автомобиля, и он поймал его острый колючий взгляд таких же, как у Алины, но жёстких по энергетике глаз. Через минуту автомобиль резко набрал скорость и исчез за поворотом.

***

Смятенное сознание отталкивало сон, но когда, же он его одолел, то не принёс облегчения, а загнал в тупик. Сон – как реальность.

Казахский аул. Николас жил во сне и понимал, что не было в его жизни этого сюжета. Он никогда не был в Казахстане. Но явно видел себя.

Молодой учитель математики не учил, а раскрывал красоту и звучание, мистические свойства цифр и символов, языком которых говорит Вселенная и Вечность. Ученица, влюблённая поклонница, милая девушка, не то уйгурка, не то татарка Гуля, удочерённая бездетной казахской парой. Приёмные родители благосклонно относились к зарождающимся чувствам молодых людей.

В вечерних сумерках Николас и Гуля сидели во дворе глинобитного родительского дома на стволе поваленного бурей карагача. Черная безлунная степная ночь, внезапно опустившаяся на землю, высвечивала бесконечную даль звездного неба. Николас мгновенным неприятием вдруг ощутил на себе взгляд глаз холодного топаза двух рядом парящих звезд. Хозяйская чабанская овчарка, доверчиво уткнувшаяся головой в его колени, вздрогнула, приподняла морду и протяжно завыла. И в следующее мгновение яркий всполох света поджёг горизонт.

– Гроза, – предположил Николас.

Гуля тревожно глянула вдаль, затем вскочила на ноги и крикнула:

– Это сарай отца горит! Там жеребёнок Звёздочка! Буди отца! Я побегу открою ворота сарая!

Николас разбудил отца девушки, и они вдвоём побежали в сторону ярко запылавшего горизонта. Учитель жестко корил себя, что отпустил девушку одну. Страшные минуты пережил он у горящего строения. Сарай, объятый пламенем, рухнул. Жеребёнок метнулся им на встречу и шарахнулся в сторону.

– Гуля!!!! – с надрывом в голосе закричал Николас.

Но лишь гул пламени и стрельба лопающегося раскалённого саманного кирпича разрывали ночную тишину. Николас неосознанно бросился в пылающее чрево, но сильные руки отца Гули перехватили его и прижали к груди.

Глаза старика пылали болью, осушая выступающие слёзы.

– Нет нашей Гули, сынок, сгорела наша свечечка.

Он зарыдал безслёзно, сотрясая большое тело. Прибежавшие аульчане водой из вёдер пытались залить пламя. А оно ещё больше неистовствовало, отбрасывая смельчаков назад. Николас вырвался из объятий отца, заметался вокруг единого столба пламени и голосом, изломанным страданиями, кричал:

– Гуля! Гуля, я здесь, иди ко мне!

И вдруг в горящем гигантском факеле появилась она, объятая пламенем, словно фантастической одеждой. Глаза излучали нежность, алые губы пылали зовущей улыбкой. Гуля протянула навстречу Николасу руки, звала его неведомой гипнотической силой любви. Николас бросился навстречу любимой, но был отброшен испепеляющей жарой. Он вновь вскочил на ноги и, преодолевая давление жара, вошёл в пламя. Одежда и волосы вспыхнули. Ужасающая боль вновь вышвырнула его из огненного капкана. Подбежавшие люди окатили учителя водой из вёдер, гася пламя. В этот миг Николас вновь увидел Гулю. Она, медленно сливаясь с пламенем, обернулась. Смертельная грусть пылала в её глазах. Николас закричал от накрывшего его резонанса физической и душевной боли и проснулся от собственного крика.

Мокрая от пота постель добавила душевного дискомфорта.



***

Сны, сны. И жизнь как сон, это всё более от боли затягивающее чувство любви к Алине. Разум, размягчённый стрессом, потерял чувство реальности. Ему казалось, что он проживает несколько жизней сразу.

***

Николас, нагруженный покупками, возвращался домой. Небольшой коттедж под красной черепичной крышей, окутанный зыбким туманом июльской жары, излучал тревогу.

Он застал у ворот своего коттеджа гудящую толпу и на мгновение оглох, придушенный дурным предчувствием. Толпа расступилась перед ним, жестикулируя и крича злыми лицами, как в немом кино. Николас увидел своего любимца – кавказскую овчарку, добряка Рема. Огромные лапы овчарки тяжело лежали на груди поверженного мужчины. Никогда Николас не видел такого звериного оскала пасти своего друга, нацеленного на горло перепуганного, в котором признал своего соседа.

– Рем, ко мне!

Собака, услышав голос хозяина, поднял морду, оставила жертву и пошла к Николасу, жалобно скуля, словно объясняя историю происшествия.

Злобный сосед, поддерживаемый толпой, выкрикивал слова проклятий и угроз потребовать через суд возмещения морального ущерба и усыпления собаки.

Николас не мог поверить, что его разумный друг перемахнул через забор и без причины напал на человека, проходящего мимо. Он закрыл собаку в вольер, часами сидел и смотрел в глаза Рема. В них была бездонная грусть и жалость к измученному хозяину. Рем в порывах чувственной беспомощности лизал ладони хозяина шершавым языком.

– Что произошло, Ремушка? – который раз задавал вопрос хозяин собаке.

В эти минуты Рем поднимал свою большую лохматую голову, тяжко вздыхал и жалобно скулил. Затем, видя, что хозяин его не понимает, тяжело опускал морду на большие лапы и грустно смотрел на

него, его большие глаза наполнялись влагой и одинокая слеза терялась, падая в густую шерсть.

Николас пробовал договориться с соседом, выплатил ему требуемую сумму денег, но сосед заявил категорично:

– Пока не усыпишь собаку, я не успокоюсь.

Николас, возвращаясь вечерами с работы, встречал у ворот своего дома сумасшедшую сестру соседа. Грязные оборки платья и растрепанные немытые волосы, и дикие безумные глаза излучали демонический свет. Завидев Николаса, соседка судорожно дергалась, хохотала отвратительным жутким смехом и выкрикивала:

– Придут Черные Демоны и накажут виновного!

Кошмарный месяц бессонных ночей, бессмысленных телепатических бесед с собакой извели разум Николаса. Он запил, чтобы заглушить боль неотвратимо приближающейся разлуки с Ремом, перестал ходить на работу.

Как-то днем, услышав звонок, глянул на видеомонитор. Камера показала нежданного визитёра. Николас узнал эту гостью. Это была Алина, его студентка.

Алина увидела лицо Николаса, обросшее трехдневной щетиной, похудевшее, с впалыми, полубезумными от алкоголя, но абсолютно трезвыми глазами…

– Что с вами, Николас? – испуганно вскрикнула она.

Алина выслушала болью залитый рассказ преподавателя. Пыталась, но не находила слов успокоения.

– Но так нельзя, Николас, ведь не конец, же света, должен быть какой-нибудь выход.

– Какой? Усыпить и забыть? Или самому уснуть и не проснуться?

Звук захлопнувшейся калитки заставил преподавателя и студентку выглянуть в большое окно столовой, выходящее во двор коттеджа.

Странное видение поразило Алину. По двору к вольеру с заключённым Ремом шла маленькая девочка лет пяти-шести в длинном цветастом платьице.

– Это подружка Рема, – грустно улыбнулся Николас, – цыганочка из табора, что разместился не далеко отсюда. Она глухонемая. Что-то давно её не было видно.

Алина и Николас вышли во двор, который был наполнен неисто-

вым, радостным лаем овчарки. Под напором массы тела Рема вольер закачался, щеколда запирающая калитку лопнула, и через мгновение радостный пес облизывал лицо смеющейся девочки. Она маленькими ручонками обхватила могучую шею Рема и прижалась к его широкому лбу своим лицом.

Алина и Николас подошли к обнимающимся друзьям и застыли в изумлении. Девочка беззвучно что-то лепетала в обрезанное ухо Рема, а пес в ответ жалобно скулил. Алина присела на корточки, осторожно взяла за плечи маленькую цыганочку и своими глазами цвета бездонного моря взглянула в горящие угольки глаз девочки.

– Говори, родная, – умоляюще попросила она подружку Рема.

И вновь волна безумного изумления накрыла Николаса. Глухонемая, глядя в глаза Алины, раскрывала маленький ротик, словно вязала неслышимые слова, которые видела лишь Алина, и слышал Рем.

Николас наблюдал, как преображается лицо Алины. Удивление, испуг и ненависть яркими вспышками загорались на нем.

Опустошённая и усталая, она поднялась на ноги, прижимая к себе девочку и лохматую морду Рема, глаза которого были залиты росой боли и радости.

– Твой сосед – извращенец, он пытался силой увести девочку к себе, а Рем защитил её. Ребёнок убежал, испугался и никому не рассказывал об этом. А вчера ей приснился сон, что Рема забирают Ангелы на небеса. Она проснулась испуганная и все рассказала отцу.

Николас, словно облитый ушатом кипятка, разгоряченный трехдневным алкоголем, вбежал в дом, через мгновение выскочил с ружьем и бросился к дому соседа.

– Николас, остановитесь, это безумие, – бросилась следом за ним Алина.

Лишь у самого порога соседского дома она поймала за рукав Николаса, но он вырвался и плечом вынес дверь соседского коттеджа.

– Еще один сумасшедший, – услышал Николас, едва влетев в прихожую, и обомлел.

Несколько людей в штатском и участковый полицейский смотрели на него недоуменно. На полу лежало тело соседа с голым торсом, а рядом валялся шприц и несколько разбитых ампул.

– Он мертв? – спросила Алина.



– Да, наркотики, передозировка, – ответил участковый полицейский.

В углу на стуле сидела с опущенной под тяжестью копны немытых волос сумасшедшая сестра соседа. Почувствовав взгляд Николаса, она вскинула голову, и дикий хохот парализовал всех находящихся в комнате. А сумасшедшая хриплым испуганным голосом поведала всем окружающим тайну:

– Пришли два Черных Демона и усыпили брата.

На следующий день цыганский табор снялся с временно обжитого места и покинул порочный край.

***

Чудесная реабилитация Рема способствовала воспарению духа Николаса.

Сны временно отступили. Он всё больше растворялся в чувственном тумане магнетической любви к Алине. Его уже мало трогали заспинные шептания коллег-преподавателей, которые с явным налётом зависти обсуждали аморальные отношения преподавателя и студентки.

Старший брат Алины, заменивший ей отца и мать, погибших в автокатастрофе, потребовал представить ему субъекта, посмевшего завладеть сердцем красавицы.

Чёрный строгий костюм и безупречно-белая открахмаленная сорочка с галстуком-бабочкой подчёркивали античную красоту Николаса, имеющего греческие корни по матери. Он гармонично смотрелся рядом с восточной красавицей Алиной.

Столик на четверых был зарезервирован в престижном ресторане, не терпящем пустоты, и находился в самой интимной части ресторана, отгороженный перегородкой и подсвеченный старинным бра.

Навстречу Николасу и Алине из-за столика поднялся высокий, широкоплечий атлет немного старше Николаса в щегольском ослепительно-белом костюме. Белозубая улыбка под чёрными усами действовала обезоруживающе, но тёмные умные глаза с жестким блеском сапфира высвечивали недюжинную силу духа прирождённого лидера.

– Тимур, – назвался он, протягивая руку Николасу, и представил





свою даму – блондинку модельной внешности, – Людмила.

Двухчасовое застольное общение, разбавляемое глотками виски и изысканными блюдами не оставило сомнений о роде занятий Тимура, который представился бизнесменом в сфере автобизнеса.

По тому, как несколько раз подходили к их столику рослые джентльмены с печатью Алькапоне на лбу и почтительно обнимали Тимура, словно старого уважаемого знакомого, Николас понял, что брат Алины вероятнее всего криминальный авторитет. Хотя надо отдать ему должное, в безупречно грамотной речи, чувствовался человек незаурядный, образованный. «Аристократ уголовного мира», – внезапно всплыло из карты памяти, и он вспомнил статью жёлтой прессы, оставленной кем-то на сидении загородной электрички о криминальном авторитете по кличке «Тамерлан».

И тут же Николас признал тот самый знаменитый перстень на пальце Тимура, виденный ранее на фотографии. Массивный золотой перстень с большим каплевидным сапфиром, астеризм звездой Давида слепил глаза.

К концу вечера непринуждённой беседы умные колючие глаза Тимура, обращённые к Николасу, смягчились. Мужская симпатия явно была взаимной.

– Николас, я хочу сделать тебе подарок, – сказал Тимур и протянул ключи.

– Это – от теперь уже твоего «Бентли».

– Спасибо за такой щедрый подарок, но у меня есть машина, – ровно ответил Николас.

Тимур внимательно посмотрел в его глаза, убрал ключи в карман.

– А в этом ты мне не сможешь отказать, – произнёс после небольшой паузы Тимур, – это талисман тебе на счастье, – снял с пальца перстень и вложил в ладонь Николаса и, воспользовавшись тем, что Алина о чем-то беседовала с Людмилой и не слышала диалога мужчин, тихо добавил:

– Не обижай Алину.

***

В эту ночь Николас мгновенно погрузился в сон, мозг, наполненный воспоминаниями прошедшего дня, сортировал реальность.


2014

Спиртным разбавленная кровь привлекла Демона Лилит. Диффузия реального и параллельного эфира материализовались в один абсурдный кошмар.

Николас почувствовал отягощающий дискомфорт под лопатками, обернулся и увидел крылья на собственной спине. Мысленно сделал взмах и взмыл над неузнаваемой землёй.

Одно и то же зафиксированное взглядом место меняло свои очертания в зависимости от угла зрения. Большая соборная площадь вместо собора принимала гигантскую пирамиду или древний амфитеатр, и там внизу бились гладиаторы. Стаи крылатых человекоподобных существ носились хаотично над землёй.

Лавандовые поля Провансаля в сиреневом тумане прятали баллистические ракеты. Одна из них неслась навстречу Николасу. Он попытался отклониться от столкновения, но срезанные ракетой крылья лишили его полета, и Николас рухнул на твердь, не долетая до земли.

Сквозь полупрозрачную массу он видел изменяющиеся картины многовековой жизни планеты. Сквозь стаи динозавров армады танков враждующих сторон неслась друг на друга на Курской дуге.

Николас встал на ноги и побрёл высоко над землёй в толпе полупрозрачных теней, потерявших своих хозяев. В некоторых из них он различал черты ушедших в мир иной родных и знакомых. Он пытался общаться, но они проходили рядом и сквозь, не замечая его. Николас, ощущая собственную бестелесность, тем не менее, чувствовал страшную тяжесть груза дискомфорта и реальные ощущения препятствий.

Он упёрся в невидимую стену, от соприкосновения она стала мутно-видимой. Прижался к ней лицом и увидел скрытую установку, похожую на гигантский компьютер, и крылатое существо, сидящее перед ним.

Гигантский монитор транслировал миллионы и миллионы видеоячеек. Но из этого бесконечного видео сюжетного хаоса Николаса привлекли лишь два сюжета. В одном из них он признал свой недавний сон с пылающей Гулей, а второй сюжет касался его теперешних отношений с Алиной. И Николас вдруг осознал, что это одна и та же девушка. Мысль, мелькнувшая в следующее мгновенье в его голове,